

К вопросу о сущности наложения ареста на имущество в уголовном процессе Республики Беларусь

Зайцев В.П.

Учреждение образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь»

Приоритетным направлением уголовно-процессуальных норм национального права является защита прав и свобод личности, законных интересов общества и государства. Выступая одним из инструментов такой защиты, наложение ареста на имущество нуждается в максимально эффективном применении, а равно в точном понимании его сущности правоприменителями.

Цель настоящей статьи – поиск эксплицированной сущности наложения ареста на имущество в уголовном процессе Республики Беларусь на базе научных взглядов, отечественных и зарубежных уголовно-процессуальных норм; выработка предложений по оптимизации действующего законодательства.

Материал и методы. Материалом исследования послужили нормы уголовно-процессуального права БССР, Республики Беларусь, стран СНГ, Балтии, работы советских, белорусских, российских ученых, а также эмпирические данные. Методологической основой изучения избраны методы индукции и дедукции, анализа и синтеза, формально-юридический, формально-логический, сравнительно-правовой, структурно-функциональный, а также анкетирование.

Результаты и их обсуждение. Существующие в нашем государстве и за его пределами расхождения научных взглядов и законодательных позиций в отношении уголовно-процессуального наложения ареста на имущество «несут в себе» причины полисемических подходов к пониманию его сущности правоприменителями. Искаженное восприятие практиками отдельных аспектов сущности наложения ареста на имущество связано с риском надления меры принуждения познавательной функцией, игнорирования обязанности его применения для обеспечения гражданского иска и специальной конфискации путем отказа от реализации права, в субъективном его понимании, органа уголовного преследования применить арест имущества в силу целого комплекса обстоятельств (некомпетентность, коррупционные проявления и др.). Подобное положение дел может самым негативным образом сказаться на процессе защиты и восстановления нарушенных прав потерпевшего, интересов государства.

Заключение. Вскрытие проблем понимания сущности наложения ареста на имущество в уголовном процессе Республики Беларусь указывает на их связь с недостатками законодательной регламентации рассматриваемой меры процессуального принуждения, а равно показывает, что действующий уголовно-процессуальный закон нуждается в оптимизации.

Ключевые слова: уголовный процесс Республики Беларусь, наложение ареста на имущество, сущность, право, обязанность, следственное действие, иная мера процессуального принуждения, оптимизация законодательства.

On the Issue of the Essence of the Seizure of Property in the Criminal Process of the Republic of Belarus

Zaitsev V.P.

Educational Establishment “The Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus”

The priority area of criminal procedural norms of the national law is the protection of the rights and freedoms of the individual, the legitimate interests of society and the state. Acting as one of the tools of such protection, the seizure of property needs the most effective application, as well as a precise understanding of its essence by law enforcers.

The purpose of this article is to search for the essence of property seizure in the criminal process of the Republic of Belarus on the basis of scientific views, domestic and foreign criminal procedural rules; development of proposals for optimizing the current legislation.

Material and methods. The material of the study was the norms of criminal procedure law of the BSSR, the Republic of Belarus, the CIS countries, the Baltic states, the work of Soviet, Belarusian, Russian scientists, as well as empirical data. The research methodology is based on the methods of induction, deduction, analysis, synthesis, formal legal, formal logical, comparative legal, structural and functional methods, as well as questionnaires.

Findings and their discussion. The discrepancies between scientific views and legislative positions which exist in our state and overseas regarding criminal procedural seizure of property “carry” the causes of polysemy approaches to the understanding of its essence by law enforcers. The distorted perception by practitioners of certain aspects of the essence of seizure of property is associated with the risk of imposing a coercive measure with a cognitive function, ignoring the obligation to apply it to secure a civil lawsuit and special confiscation by refusing to exercise the right, in its subjective

understanding, of the criminal prosecution body, to apply for the seizure of property complex of circumstances (incompetence, corruption, etc.). Such a state of affairs can most negatively affect the process of protecting and restoring the violated rights of the victim, the interests of the state.

Conclusion. Revealing the problems of understanding the essence of the seizure of property in the criminal process of the Republic of Belarus indicates their connection with the shortcomings of the legislative regulation of the measure of procedural coercion under consideration, as well as shows that the current criminal procedure law needs to be optimized.

Key words: criminal process of the Republic of Belarus, seizure of property, substance, right, obligation, investigative action, another measure of procedural coercion, optimization of legislation.

Приоритетным направлением уголовно-процессуальных норм национального права является защита прав и свобод личности, законных интересов общества и государства. Выступая одним из инструментов такой защиты, наложение ареста на имущество нуждается в максимально эффективном применении, а равно в точном понимании его сущности правоприменителями. Любого рода искажения содержания наложения ареста на имущество видятся нам причинами возникновения ошибок его целевого назначения, совершения которых можно избежать. Актуальность затронутого нами направления обусловлена не только усилением международных требований правовосстановительного характера, но и отсутствием в Республике Беларусь соответствующих детальных научных исследований. В ходе предлагаемой работы попытаемся решить ряд проблемных вопросов, которые, по нашему мнению, заслуживают отдельного научного внимания.

Цель настоящей статьи – поиск экспликации сущности наложения ареста на имущество в уголовном процессе Республики Беларусь на базе научных взглядов, отечественных и зарубежных уголовно-процессуальных норм; выработка предложений по оптимизации действующего законодательства.

Материал и методы. Материалом исследования послужили нормы уголовно-процессуального права БССР, Республики Беларусь, стран СНГ, Балтии, работы советских, белорусских, российских ученых, а также эмпирические данные. Методологической основой изучения избраны методы индукции и дедукции, анализа и синтеза, формально-юридический, формально-логический, сравнительно-правовой, структурно-функциональный, а также анкетирование.

Результаты и их обсуждение. Сущность – это «внутренняя основа, содержание, смысл, суть чего-нибудь» [1, с. 679]. Полноценное изучение какого-либо явления немыслимо без познания его сущности. Иными словами, усвоение только внешней стороны предмета, его формы, не насыщенной определенным, уникальным содержанием, не может в полной мере отразить внутреннее единство всех его связей, элементов, процессов, тенденций и противоречий [2, л. 43].

В соответствии с ч. 2 ст. 59 Конституции Республики Беларусь государственные органы, должностные и иные лица, которым доверено исполнение государственных функций, обязаны в пределах своей компетенции принимать необходимые меры для осуществления и защиты прав и свобод личности, что соответствует задачам, закрепленным в ч. 1 ст. 7 Уголовно-процессуального кодекса (далее УПК) Республики Беларусь.

Одной из выработанных государственных мер защиты прав и свобод личности, интересов общества и государства можно считать меру уголовно-процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество. Однако до настоящего времени существование этой меры связано с немалым количеством проблем, которые имеют место в нормотворческой деятельности, науке и правоприменительной практике уголовного процесса. По нашему мнению, вызвано это в том числе и отсутствием в Республике Беларусь специализированных фундаментальных исследований сущности уголовно-процессуального наложения ареста на имущество.

Все правоотношения, в которых участвуют правоохранительные органы, включая уголовно-процессуальные, характеризуются совершенно конкретным составом их участников, где оппонирующими сторонами выступают конкретные физические и юридические лица, органы государственной власти, прокурорские и судебные работники. «Именно строго персонализированный состав сторон таких правоотношений отличает их от абстрактных общественных отношений, регулируемых правом, что позволяет четко определять субъективные права и обязанности каждого их участника и при необходимости персональную юридическую ответственность» [3, с. 348].

Правом или обязанностью для органов, ведущих уголовный процесс, является наложение ареста на имущество в национальном уголовном процессе? Актуальность этого вопроса вызвана существующими неточностями в ст. 132 и 156 УПК Республики Беларусь.

В соответствии с ч. 1 ст. 132 УПК орган, ведущий уголовный процесс, вправе наложить арест на имущество подозреваемого, обвиняемого или лиц, несущих по закону материальную ответственность за их действия в целях обеспече-

ния возмещения ущерба (вреда), причиненного преступлением, взыскания дохода, полученного преступным путем, гражданского иска, других имущественных взысканий, специальной конфискации. Не вызывает сомнений тот факт, что приведенной нормой подчеркивается законодательное делегирование органу, ведущему уголовный процесс, права применения уголовно-процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество для достижения целей указанной принудительной уголовно-процессуальной меры.

Субъективные право и обязанность неразрывно связаны друг с другом. Одно без другого не существует [4, с. 315]. В правоотношениях субъективные права и обязанности сторон корреспондируют. Это значит, что осуществление субъективных прав одной стороны обеспечивается выполнением субъективных обязанностей другой и наоборот [3, с. 339].

В контексте нашего исследования речь ведется об уголовно-процессуальном правоотношении между государственным органом и лицом, в отношении которого применяется наложение ареста на имущество. Отсюда следует, что субъективному праву органа, ведущего уголовный процесс, корреспондирует юридическая обязанность лица, в отношении имущества которого применяется арест, претерпеть ограничения имущественного характера и воздержаться от актов противодействия.

При наличии достаточных данных о причинении вреда преступлением или предусмотренным уголовным законом общественно опасным деянием невменяемого, а также в случае обнаружения имущества, подлежащего специальной конфискации, органы уголовного преследования обязаны принять меры по обеспечению гражданского иска и исполнения приговора в части конфискации имущества, заключающиеся в выявлении имущества, на которое может быть наложен арест; наложении ареста на имущество обвиняемого или лиц, несущих материальную ответственность за вред, причиненный преступными действиями обвиняемого или предусмотренным уголовным законом общественно опасным деянием невменяемого; обеспечении сохранности имущества до разрешения уголовного дела в судебном разбирательстве (ч. 1 ст. 156 УПК Республики Беларусь). В данном случае законодатель закрепляет наложение ареста на имущество в качестве обязанности органов уголовного преследования. Но распространяет эту обязанность только на отдельные случаи (основания):

а) когда имеются достаточные данные о причинении вреда преступлением или предусмотренным уголовным законом общественно опасным деянием невменяемого;

б) при обнаружении имущества, подлежащего специальной конфискации.

Но если меры по обеспечению гражданского иска и исполнения приговора в части конфискации имущества не были приняты в стадии предварительного расследования, суд вправе до вступления приговора, постановления (определения) в законную силу постановить о принятии этих мер, которые принимаются в порядке, предусмотренном законодательством об исполнительном производстве (ч. 2 ст. 156 УПК Республики Беларусь).

Казалось бы, суд исключен из числа органов, обязанных применять наложение ареста на имущество. Однако налицо очередная юридико-техническая неточность. В соответствии с ч. 5 ст. 10 УПК Республики Беларусь в случае причинения преступлением вреда орган уголовного преследования, суд обязаны принять меры к обеспечению гражданского иска.

По логике приведенных уголовно-процессуальных норм наложение ареста на имущество в целях обеспечения гражданского иска, специальной конфискации одновременно выступает и правом и обязанностью органа уголовного преследования, а в целях обеспечения гражданского иска еще и суда.

Рассматривая наложение ареста на имущество в качестве обязанности органов, ведущих уголовный процесс, следует учитывать, что корреспондирующее такой обязанности право подвергаемого наложению ареста на имущество лица ограничено правоприменительным государственно-властным характером складывающегося уголовно-процессуального правоотношения¹. Однако неверно считать такую особенность нарушением содержательной конструкции разбираемого правового отношения. Ограничение прав и свобод личности допускается в случаях, предусмотренных законом, в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц (ст. 23 Конституции Республики Беларусь).

Полезным артефактом уголовно-процессуальной мысли по затронутому нами вопросу считаем норму, изложенную в ч. 1 ст. 174 УПК БССР 1960 г. «Наложение ареста на имущество»: «В целях обеспечения гражданского иска или возможной конфискации имущества следователь обязан наложить арест на имущество обвиняемого, подозреваемого или лиц, несущих по закону

¹ Речь ведется о действии конституционного принципа публичности уголовного процесса, в соответствии с которым должностные лица и органы государства обязаны действовать от его имени и в его интересах. В случаях коллизии интересов государства и личности отдается предпочтение первым [5, с. 99].

материальную ответственность за их действия, или иных лиц, у которых находится имущество, приобретенное преступным путем». В период действия указанного УПК до наложения ареста на имущество следователь был обязан принять необходимые меры для отыскания скрываемого имущества. Примечательно, что с этой целью он мог производить даже обыск или выемку [6, с. 217–218]. Таким образом, существовавшая во время действия утратившего юридическую силу УПК БССР 1960 г. правовая регламентация наложения ареста на имущество значительно снижала ошибки понимания его сущности, которые, к сожалению, имеют место в современной правоприменительной практике. Так, 49,3% опрошенных на момент исследования сотрудников органов дознания, следователей, прокуроров и судей считают наложение ареста на имущество только правом, 50,7% – только обязанностью органа, ведущего уголовный процесс. Приведенные эмпирические данные подтверждают наличие проблемы.

Называя наложение ареста на имущество правом, стоит отметить, что согласно общей теории права понимание о праве не всегда сведено к мере возможного поведения, а еще и к необходимости совершить какие-либо обязательные действия. Для понимания данного сущностного аспекта наложения ареста на имущество необходимо помнить, что уголовно-процессуальные правоотношения носят публично-правовой, охранительный характер². Особенность публично-правовых отношений привлекала научное внимание начиная с XIX в. Примером можно считать позицию Г.Ф. Шершеневича, который писал о цивилистическом происхождении учения о правоотношении и недопустимости прямого переноса частноправового строения на публично-правовые отношения. Право судебного следователя требовать содействия, противостоящее сопротивлению, в действительности указывает на обязанность прибегнуть к принудительным мерам при наличии установленных законом условий. По мнению Г.Ф. Шершеневича, неосуществление такого права влечет ответственность субъекта права. Идеи ученого не были лишены резона: если в частноправовом отношении имеет место фактическое отношение между лицами и, следовательно, корреспондирующая связь прав и обязанностей является личной, то в публично-правовом, охранительном отношении и само отношение, и сама связь – более идеализации, абстрактные конструкты [8, с. 219]. В публичном праве ярче и определеннее всего выступают правообязанности; они точ-

но определены по содержанию, возлагаются всегда на конкретных лиц. Напротив, публичные права представляются в некотором роде отражением обязанностей и адресуются неопределенному кругу лиц, могущих в том быть заинтересованными [9, с. 180].

С точки зрения В.И. Павлова, следует постоянно помнить о цивилистической природе доктрины правоотношения и проблематичности ее реализации в сфере публичного, особенно охранительного права. Нет смысла любой ценой заключать все юридически значимые действия в форму правоотношений и пытаться искусственно подогнать их под эту конструкцию. Оправданной представляется цель непротиворечивого объяснения правовой реальности в рамках одной системы. В публичных отраслях права действуют другие закономерности, которые могут перемещаться в сторону и частноправовых взаимосвязей, что не в последнюю очередь обусловлено различными парадигмами истины в праве и процессе, а также другими методологическими позициями.

В указанной нами проблеме ч. 1 ст. 132 и ч. 1 ст. 156 УПК Республики Беларусь, выступая общей и специальной нормами соответственно, с нашей точки зрения, выходят за рамки правил обеспечения логики права общих правил юридической техники [10, с. 110, 122–125], в связи с чем «несут в себе» причины полисемических подходов к пониманию правоприменителями описанного аспекта сущности наложения ареста на имущество. Восприятие практиками содержания ч. 1 ст. 132 в качестве привилегированного перед ч. 1 ст. 156 связано с риском игнорирования обязанности наложения ареста на имущество для обеспечения гражданского иска и специальной конфискации путем отказа от реализации права, в субъективном его понимании, органа уголовного преследования наложить арест на имущество в силу целого комплекса объективных и субъективных причин (некомпетентность, коррупционные проявления и др.). Подобное развитие событий может самым негативным образом сказаться на процессе защиты и восстановления нарушенных прав потерпевшего, интересов государства.

Опираясь на изложенное, считаем необходимым сделать вывод о том, что рассмотрение уголовно-процессуального наложения ареста на имущество и в качестве права, и в качестве обязанности органа, ведущего уголовный процесс, соответствует концептуальным общетеоретическим началам. При этом устранение юридико-технической неточности видим в такой редакции ч. 1 ст. 132 УПК Республики Беларусь: «В целях обеспечения взыскания дохода, полученного преступным путем, других имущественных взыска-

² Охранительные правоотношения связаны с применением государственного принуждения в целях защиты и восстановления нарушенных прав, обеспечением исполнения нереализованных обязанностей [7, с. 148–149].

ний орган, ведущий уголовный процесс, вправе наложить арест на имущество подозреваемого, обвиняемого или лиц, несущих по закону материальную ответственность за их деяния», а также в дополнении ст. 132 УПК отдельной частью следующего содержания: «Орган, ведущий уголовный процесс, обязан налагать арест на имущество для обеспечения возмещения ущерба (вреда), причиненного преступлением, предусмотренным уголовным законом общественно опасным деянием невменяемого, гражданского иска, исполнения приговора в части специальной конфискации имущества». Для полноценного согласования норм слово «вправе» в ч. 2 ст. 156 УПК следует заменить словом «обязан», что, собственно, и предлагаем.

Существующие в современном уголовно-процессуальном законодательстве положения указывают на наличие проблематики понимания сущности наложения ареста на имущество не только в нормотворческом, но и, как следствие, в применительном его аспекте. Очевидной проблемой, по нашему мнению, является положение ч. 1 ст. 186 УПК Республики Беларусь, согласно которому лицо, производящее дознание, по возбужденному уголовному делу производит неотложные следственные и другие процессуальные действия для установления и закрепления следов преступления: осмотр, обыск, выемку, наложение ареста на имущество, почтово-телеграфные и иные отправления, прослушивание и запись переговоров, предъявление для опознания, освидетельствование, задержание, применение меры пресечения и допрос подозреваемых, допрос потерпевших и свидетелей, получение образцов для сравнительного исследования, назначение экспертиз. Здесь по предусмотренной законодателем букве закона наложение ареста на имущество должно производиться для установления и закрепления следов преступления, что явно не соответствует ч. 1 ст. 132 УПК Республики Беларусь, где об этом речи не ведется. Более того, подобная позиция законодателя подталкивает правоприменителя на рассмотрение исследуемого процессуального действия в качестве следственного.

Тема придания наложению ареста на имущество признаков следственного действия не нова, и о ее актуальности можно говорить не только в Республике Беларусь. Оживленные научные обсуждения по данному поводу активно велись в советской уголовно-процессуальной науке, однако нельзя сказать, что сейчас в решении этого вопроса поставлена точка. Научного внимания заслуживают различные подходы к толкованию и законодательному закреплению меры уголовно-процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество в научной литературе и за-

конодательстве СССР, БССР, Республики Беларусь, а также других государств, опыт которых играет не последнюю роль в эволюции белорусского уголовного процесса. Ученые С.В. Бородин, И.Е. Быховский, Н.И. Газетдинов относили наложение ареста на имущество к следственным действиям, сторонниками противоположной позиции выступали Г.А. Абдумаджидов, С.А. Шейфер. Процессуалисты В.П. Божьев, С.П. Гришин считали, что изучаемой нами мере принуждения присущи познавательные черты, приводящие к получению доказательств по уголовному делу.

В теоретической модели уголовно-процессуального законодательства СССР [11, с. 180–182] наложению ареста на имущество была отведена роль меры обеспечения исполнения приговора в части имущественных взысканий с ее размещением в соответствующем разделе модели, исключающем принадлежность к следственным действиям.

В период действия УПК БССР 1960 г. закладка наложения ареста на имущество в главу 15 «Выемка, обыск, наложение ареста на имущество» указывала на его отнесение к следственным действиям. Однако разработка следующего в уголовно-процессуальной истории Беларуси УПК 1999 г. изменила существующее до этого положение дел. Так, уже первая редакция новейшего кодекса исключала отношение наложения ареста на имущество к следственным действиям, разместив его в разделе IV главы 14 «Иные меры процессуального принуждения», которая существует в неизменном виде и сейчас. В отличие от обыска и выемки арест может быть наложен на предметы, деньги и ценности, которые не относятся к вещественным доказательствам. В.Б. Искандиров полагает, если в постановлении о производстве обыска (выемки) указывается, что именно отыскивается, то в постановлении о наложении ареста на имущество достаточно сформулировать общее требование о предъявлении всего или части имущества, денежных средств или иных ценностей, в том числе полученных преступным путем.

Модельным УПК для стран-участников СНГ рекомендовано рассмотрение наложения ареста на имущество в качестве следственного действия. Это следует из его помещения в отдельную главу 36, вслед за и перед другими следственными действиями. Между тем, как обоснованно отмечается в научной уголовно-процессуальной литературе, включение наложения ареста на имущество в систему следственных действий представляется несколько искусственным, поскольку в ч. 1 ст. 272 названного кодекса арест имущества определяется как мера процессуального принуждения, которая состоит в описи имущества и запрете собственнику и владельцу распоряжаться,

а в необходимых случаях – также пользоваться этим имуществом [12, с. 19; 13, с. 10]. Детальная регламентация наложения ареста на имущество видится достоинством модельного предложения, но аналогизацию меры уголовно-процессуального принуждения со следственным действием считаем не в полной мере убедительной.

Аналитический обзор зарубежного законодательного опыта свидетельствует о том, что по сути одно и то же средство уголовно-процессуального принуждения по-разному закреплено в национальных уголовно-процессуальных законах. Это указывает на транснациональный характер проблемы понимания сущности уголовно-процессуального наложения ареста на имущество. В УПК Азербайджанской Республики, Республики Армения, Республики Узбекистан аналоги белорусского наложения ареста на имущество являются следственными действиями. Наложение ареста на имущество в УПК Кыргызской Республики выступает иной мерой обеспечения уголовного судопроизводства. Арест имущества в УПК Эстонской Республики – это иное средство обеспечения уголовного производства. УПК Украины уголовно-процессуальному аресту имущества отведено место меры обеспечения уголовного производства. Так же, как и в Беларуси, к иным мерам процессуального принуждения наложение ареста на имущество отнесено в УПК Российской Федерации, Республики Казахстан, Республики Таджикистан, Туркменистана, Республики Молдова [14; 15]. Неоднозначным стоит признать место наложения ареста на имущество в УПК Грузии. Не иначе как о следственных действиях упоминается о наложении ареста на имущество в указанном кодексе (ст. 123, 155). Вместе с тем не в полной мере понятной, на наш взгляд, является причина одновременного размещения норм, регламентирующих вопросы наложения ареста на имущество, в главах XV «Следственные действия», XVII «Другие процессуальные действия» грузинского уголовно-процессуального закона. При этом в соответствии со ст. 152 УПК Грузии наложение ареста на имущество состоит в запрете собственнику или владельцу распоряжаться, а в необходимых случаях – также пользоваться имуществом [16], что мало чем отличается от толкования наложения ареста на имущество, предлагаемого законодателем Республики Беларусь.

Следственные действия, несмотря на индивидуальность каждого из них, характеризуются следующими признаками:

- 1) детально регламентированы УПК;
- 2) имеют непосредственную направленность на собирание и проверку доказательств;

3) сопряжены с возможностью применения государственного принуждения.

Лишь совокупность данных признаков позволяет назвать то или иное процессуальное действие следственным, т.к. отдельные из них присущи некоторым иным процессуальным действиям [17]. Наложение ареста на имущество в уголовном процессе Республики Беларусь достаточно детально регламентировано и напрямую связано с применением государственного принуждения, но непосредственной направленности на собирание и проверку доказательств не имеет.

По мнению советского процессуалиста С.В. Бородина, факт наложения ареста на имущество имеет познавательное значение, что позволяет отнести его к следственным действиям. Это подтверждалось следственной практикой. С появлением конфискации имущества как уголовного наказания наложение ареста на имущество применялось, прежде всего, для отыскания любого имущества обвиняемого, при этом не требовалось причинной связи такого имущества с причиненным вредом или имуществом, полученным преступным путем. Квалификация деяния по статье, предусматривающей конфискацию имущества, приводила к безусловному аресту всего имущества обвиняемого [18, с. 12]. Однако после исключения из белорусского законодательства института общей конфискации³ подобную научную мысль нельзя признать актуальной для нашего государства.

В определенной степени можно согласиться с солидарной позицией В.М. Быкова и А.П. Рыжакова о том, что при применении наложения ареста на имущество могут быть собраны, получены доказательства. Так, в ходе описи арестованного имущества при нем, в его составе, конструкции и т.д. могут быть обнаружены предметы и документы, имеющие доказательственное значение для уголовного дела. Причиной подобных обнаружений могут служить не в полной мере качественно проведенные до этого следственные действия (осмотр, обыск), а также акты противодействия подозреваемого, обвиняемого, иных лиц (предметы и документы, имеющие значение для дела, могут быть спрятаны, перемещены и даже забыты в имуществе, подвергнутом в последующем аресту). При этом фиксацию полученных в ходе проведения наложения ареста на имущество потенциальных доказательств считаем законным и выполнимым действием путем их внесения в протокол описи арестованного имущества, подробного описания места обнаружения с применением технических средств фиксации хода и результа-

³ См. Закон Республики Беларусь от 9 января 2019 г. № 171-З «О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь».

тов производства процессуального действия, изъятия и упаковки. Следующими за этими процессуальными действиями должны стать изучение предполагаемых доказательств по правилам осмотра предметов и документов с последующим вынесением постановлений об отмене наложения ареста на имущество и признании осмотренных предметов и (или) документов вещественными доказательствами соответственно. Схожей позиции придерживается и И.Б. Тутынин. Вместе с тем изложенное, на наш взгляд, нельзя считать основанием постановки знака равенства между наложением ареста на имущество и следственным действием, учитывая, что в соответствии с ч. 1 ст. 103 УПК Республики Беларусь собрание доказательств производится путем проведения не только следственных, но и других процессуальных действий, в широкую категорию которых входит в том числе и наложение ареста на имущество.

Тем не менее С.В. Борико называет наложение ареста на имущество следственным действием, направленным на собирание и проверку доказательств. При этом параллельно автором предлагается его отнесение к иным мерам процессуального принуждения. Большинство других белорусских ученых позицию отнесения наложения ареста на имущество к следственным действиям не поддерживает.

В числе отечественных ученых, включающих наложение ареста на имущество в систему следственных действий, можно назвать и Т.Н. Линник. Более того, последняя указывает на то, что наложение ареста на имущество отнесено к видам следственных действий, определенных законом.

По мнению Б.Т. Безлепкина, при наложении ареста на имущество фактические данные, имеющие значение для дела, как правило, не добываются, и протокол наложения ареста на имущество в числе источников доказательств не значится, в связи с чем он назвал рассматриваемое действие мерой уголовно-процессуального принуждения. Считая такую позицию соответствующей уровню и особенностям развития современного общества, а равно наиболее приемлемой для белорусского уголовного процесса, не можем с ней не согласиться. «Целью следственного действия всегда является определенный познавательный результат, обусловленный установлением новых обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Именно этим следственные действия отличаются от иных процессуальных процедур, находящихся в арсенале органов» [19, с. 13], ведущих уголовный процесс. Более того, следственное действие направлено не только на собирание доказательств, но и на их проверку. Об этом, ссы-

лаясь на мнение М.А. Шостака и других ученых, пишут И.В. Данько и Ю.П. Шаплеров.

Наложение ареста на имущество изначально не проводится для установления и закрепления следов преступления, так как это процессуальное действие не имеет в своей квинтэссенции поисково-познавательного начала. По нашему мнению, помещение наложения ареста на имущество в оболочку следственного действия является рудиментом уголовно-процессуальной теории и науки.

Придерживаясь сформированной авторской позиции, предлагаем внести изменения в ч. 1 ст. 186 УПК Республики Беларусь, изложив ее в следующей редакции: «При наличии признаков преступления орган дознания передает заявление или сообщение с собранными материалами проверки по подследственности, определенной статьей 182 настоящего Кодекса, или возбуждает уголовное дело. Руководствуясь правилами настоящего Кодекса, лицо, производящее дознание, по возбужденному уголовному делу производит неотложные следственные и другие процессуальные действия для установления и закрепления следов преступления: осмотр, обыск, выемку, почтово-телеграфные и иные отправления, прослушивание и запись переговоров, предъявление для опознания, освидетельствование, задержание, применение меры пресечения и допрос подозреваемых, допрос потерпевших и свидетелей, получение образцов для сравнительного исследования, назначение экспертиз», исключив при этом из текста нормы «наложение ареста на имущество».

Заключение. Изучение научных взглядов прошлого и современности, национальных и зарубежных уголовно-процессуальных норм позволило сформировать представление о ключевых существенных элементах наложения ареста на имущество в нашем государстве. Наложение ареста на имущество в белорусском уголовном процессе выступает правом органов, ведущих уголовный процесс, а в отдельных случаях – их обязанностью; процессуальным действием и, главное, иной мерой процессуального принуждения обеспечительного характера. Вскрытие проблем понимания сущности наложения ареста на имущество в уголовном процессе Республики Беларусь указывает на их связь с недостатками законодательной регламентации рассматриваемой меры процессуального принуждения, а равно показывает, что действующий уголовно-процессуальный закон нуждается в оптимизации.

Литература

1. Словарь русского языка / сост. С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: Рус. яз., 1986. – 797 с.

2. Щерба, Т.Л. Теория и практика применения иных мер уголовно-процессуального принуждения: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Т.Л. Щерба; Акад. МВД; науч. рук. Л.И. Кукреш. – Минск, 2013. – 171 л.
3. Вишневский, А.Ф. Общая теория государства и права: учебник / А.Ф. Вишневский, Н.А. Горбатов, В.А. Кучинский. – Минск: Акад. МВД, 2019. – 478 с.
4. Шафалович, А.А. Общая теория права / А.А. Шафалович. – Минск: Амалфея, 2019. – 528 с.
5. Уголовный процесс. Общая часть / [И.В. Данько и др.]. – Минск: Акад. МВД, 2012. – 478 с.
6. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Белорусской ССР / С.П. Бекешко [и др.]. – Минск: Изд-во БГУ им. В.И. Ленина, 1973. – 503 с.
7. Горбатов, Н.А. Общая теория государства и права: практ. пособие / Н.А. Горбатов. – Минск: Акад. МВД, 2008. – 208 с.
8. Павлов, В.И. Проблемы теории государства и права: учеб. пособие / В.И. Павлов. – Минск: Акад. МВД, 2017. – 262 с.
9. Коркунов, Н.М. Лекции по общей теории права / предисл. д-ра юрид. наук, проф. И.Ю. Козлихина / Н.М. Коркунов. – СПб.: Изд-во «Юрид. центр Пресс», 2004. – 430 с.
10. Кашанина, Т.В. Юридическая техника: учебник / Т.В. Кашанина. – М.: Норма: Инфра-М, 2011. – 496 с.
11. Уголовно-процессуальное законодательство Союза ССР и РСФСР: теоретическая модель / АН СССР, Ин-т государства и права; под ред. В.М. Савицкого [и др.]. – М.: Ин-т государства и права Акад. наук, 1990. – 316 с.
12. Авдеев, В.Н. Процессуальный порядок наложения ареста на имущество: учеб.-практ. пособие / В.Н. Авдеев. – Калининград: Калинингр. филиал СПбУ МВД России, 2016. – 96 с.
13. Аршба, Г.В. Наложение ареста на имущество: учеб.-практ. пособие / Г.В. Аршба, С.И. Гирько, В.В. Николюк. – М.: ВНИИ МВД России, 2004. – 89 с.
14. Уголовно-процессуальные кодексы стран СНГ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.spinform.ru/index.fwx>. – Дата доступа: 01.09.2019.
15. Действующие законы Эстонской Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://v1.juristaitab.ee/et/node/29540>. – Дата доступа: 01.09.2019.
16. Законодательный вестник Грузии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.matsne.gov.ge>. – Дата доступа: 10.06.2019.
17. Шкаплеров, Ю.П. Следственные действия [Электронный ресурс]: пособие / Ю.П. Шкаплеров, И.В. Данько. – Могилев: Могилев. ин-т МВД, 2017. – Режим доступа: http://www.institutemvd.by/images/NIO/Sledstvennie_deistvia_Shkaplerov_Danko.pdf. – Дата доступа: 21.06.2019.
18. Тутынин, И.Б. Правовое регулирование и практика применения наложения ареста на имущество в уголовном судопроизводстве России: монография / И.Б. Тутынин. – М.: МоСУ МВД России, 2009. – 238 с.
19. Россинский, С.Б. Концептуальные основы формирования результатов «невербальных» следственных и судебных действий в доказывании по уголовному делу: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / С.Б. Россинский; МГЮА. – М., 2015. – 40 с.

Поступила в редакцию 05.09.2019